

**Н.В. КОРОВИЦЫНА**

## **ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ СМЕНЫ СИСТЕМ: 35 ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ “СОЛИДАРНОСТИ”**

Польская революция “Солидарности” августа 1980 г. – центральное событие единственного в восточноевропейском регионе массового общественного движения эпохи дезинтеграции бывшего Восточного блока. Только в Польше интересы и ценности нового строя могли хотя бы отчасти благоприятствовать легитимизации “импортированной идеологии либерального капитализма”<sup>1</sup>. “Солидарность” как субъект изменения ментальности поляков, импульс к его материализации совершила решительный прорыв от социализма к капитализму в первой из стран социалистического содружества. Этот важнейший исторический феномен изначально находился в центре внимания польской социологии, вершина которого пришлась именно на 1980-е годы. Результаты проведенных за весь истекший период масштабных исследований – прежде всего серии опросов под названием “Поляки” за 1980, 1981, 1984, 1988, 1990, 1995, 2011 гг.<sup>2</sup> – позволяют понять не только анатомию социально-политического конфликта того времени, но и современную восточноевропейскую действительность, сформированную тремя с половиной десятилетиями реального капитализма.

Поддержка польским обществом “социалистического строительства”, начавшегося в середине XX в., основывалась прежде всего на надеждах людей на радикальное сокращение социального неравенства путем ликвидации крупной частной собственности через переход к централизованному планированию экономики, обеспечение равного доступа к образованию и культуре. Первое исследование на тему эгалитаризма, проведенное в 1958 г. в Польше, выявило, что более половины опрошенных высказывалось за равенство доходов всех граждан страны. В 1961 г. половина жителей городов выступала за полную ликвидацию общественных различий. В целом в 1950-е и начале 1960-х годов поляки возлагали огромные надежды на рост социального равенства. Новый общественный строй, преодолевавший неравенства, оставшиеся в наследие от довоенной Польши, и бывший строем “социального аванса”, считался справедливым, что легитимизировало существовавшую власть<sup>3</sup>.

---

*Коровицына Наталья Васильевна* – доктор исторических наук, специалист в области центрально- и восточноевропейских исследований.

<sup>1</sup> *Adamski W.* “Solidarniść” jako kłopotliwy problem badawczy. – Fenomen “Solidarności” i zmiana ustroju. Polacy 1980–2011. Warszawa, 2014, s. 12.

<sup>2</sup> Под редакцией патриарха польской социологии В. Адамского (Институт философии и социологии Польской академии наук) вышла целая серия крайне любопытных книг, освещающих результаты этих исследований: Polacy’80. Wyniki badań ankietowych. Warszawa, 1982; Polacy’81. Postrzeżenie kryzysu i konfliktu. Warszawa, 1982; Strukturalno-pokoleniowe wymiary procesów konfliktotwórczych w latach osiemdziesiątych. Warszawa, 1985; Polacy’84. Dynamika konfliktu i konsensusu. Warszawa, 1986; Polacy’88. Dynamika konfliktu a szanse reform. Warszawa, 1989; Polacy’90. Konflikt i zmiana. Warszawa, 1991; Dynamika konfliktu społecznego. Polacy 1989–1988. Poznań, 1989; Polacy’95. Aktorzy i klienci transformacji. Warszawa, 1998.

<sup>3</sup> *Koralewicz J., Ziółkowski M.* Zmiany system wartości w Polsce. – O życiu publicznym, kulturze i innych sprawach. Warszawa, 2007, s. 204–205.

Соответственно, на протяжении послевоенных десятилетий тема выравнивания жизненных шансов оставалась главной в общественных дебатах и деятельности исследователей Центральной и Восточной Европы, особенно польских социологов. Уже первые их работы на эту тему, датируемые 1957–1959 гг., продемонстрировали возрастающую сложность реализации радикальной версии эгалитаризма как базисного принципа общественной жизни, существование расхождений между официальной идеологией и фактической структурой и интересами разных социальных групп. Исследования А. Малевского, А. Сарапаты, Ст. Новака, В. Веселовского однозначно свидетельствовали, что представления отдельных групп взаимно противоречат, каждая из них стремится приспособить движение к более справедливому строю, к собственным потребностям. Усилия польских ученых, особенно интенсивные в 1960-е годы, были направлены на поиски государственных механизмов объединения общества, путей ликвидации структурно-классовых напряжений. Однако в 1967 г. ведущий польский социолог Ст. Новак сформулировал тезис о “противоречии постулата максимизации глобального производства постулату равной доли в ее распределении”<sup>4</sup>.

В 1970-е годы значение идеалов общественного равенства в массовом польском сознании сильно возросло и наряду с ценностями справедливости составило наиболее предпочтительные черты “хорошей общественной системы”. Однако в конце этого десятилетия наблюдалось осязаемое разочарование в вопросах социального выравнивания в стране: 67% людей в 1980 г. считало, что неравенства растут. Происходил отход от эгалитарных принципов – и в сфере научной мысли, и в политике правящей партии. Этот процесс развернулся с завершением первого этапа социалистической модернизации (1950–1960-е годы), результатом которой явился промышленный подъем преимущественно аграрных в середине XX в. обществ восточноевропейского типа<sup>5</sup>. На передний план в этой группе обществ вышла ценность образования. Большинство поляков считало бесплатное образование главным способом преодоления общественных неравенств, хотя в этот период появлялись иные факторы роста материального благосостояния, такие как “связи” или партийная принадлежность.

Как показали события Пражской весны 1968 г., уже тогда в наиболее развитой в восточноевропейском регионе Чехословакии четко обозначилась основная конфликтная линия периода социализма, связанная с его главным достижением, – появлением многочисленных слоев населения, возросший уровень образования которых не соответствовал их уровню доходов и положению в системе власти. В 1970-е годы это противоречие обозначилось и в остальных странах центрально- и восточноевропейского региона, где традиционно интеллигенция как своего рода культурная доминанта общества служила социальной альтернативой экономическому господству буржуазии в Западной Европе. Упомянутое противоречие достигло кульминации во время революции “Солидарности” в Польше и позднее – советской перестройки и “бархатных” революций на всем пространстве бывшего социалистического блока. Именно в предшествующее этим революциям десятилетие скачкообразно сформировался разрыв между быстро растущими материальными потребностями возникших к этому времени ведущих общественных групп генерации “социального аванса” – рабочих (их материальные запросы и протестные настроения были выражены в Польше наиболее отчетливо) и интеллигенции – и возможностями общества их удовлетворить. Этот разрыв особенно проявился с середины 1970-х годов – в Польше “потребительский бум” времени Э. Герека, – когда везде в регионе завершился период относительного процветания и резко возрос уровень потребностей этих двух групп. Тем же временем датируются исследо-

<sup>4</sup> Nowak St. Głos w dyskusji w: problemy przewidywania przyszłości a model kultury. – Kultura i społeczeństwo, 1967, № 4.

<sup>5</sup> В довоенной Польше доля крестьянства составляла 60% в общей численности населения. Но и в наши дни на них приходится свыше 8% – один из наивысших показателей среди стран Европы. – Domański H. Społeczeństwa europejskie. Stratyfikacja i systemy wartości. Warszawa, 2009, s. 25, 40.

вания назревавших “кризиса и конфликта”, которые польские социологи оценивают как симбиоз классово-структурных и культурно-поколенческих противоречий<sup>6</sup>.

Польские события 1980–1981 гг. генетически связаны с молодым поколением, его специфическим на пороге 1980-х годов положением – демографической структурой и сознанием. Послевоенный демографический бум в регионе пришелся на рожденных в 1950–1958 гг.<sup>7</sup> В 1970-е годы в Польше произошли особенно резкое омоложение общества и наибольшая в современной истории страны смена поколений. Молодежь, не переступившая 30-летнего возраста, составила тогда около 40% занятых в стране – беспрецедентный для прошедшего столетия скачок. В то же десятилетие в Польше заканчивается фаза массового профессионального и образовательного перемещения сельского населения из города и превращения крестьян в рабочих. В начале 1980-х годов свыше трети квалифицированных и более половины неквалифицированных рабочих происходило из крестьян<sup>8</sup>. Высокобразованные слои, в свою очередь, на 70% состояли из бывших рабочих и крестьян, образуя так называемую “новую” интеллигенцию. Классовая идентичность всех этих групп общества, возникших в первый период соцмодернизации, была неразвита и в сильной мере основывалась на образцах крестьянской или посткрестьянской культуры.

Однако в середине 1970-х годов социальная структура Польши, как и соседних с ней стран региона, явно “закрылась” по сравнению со временем жизни предшествующего поколения индустриальной модернизации<sup>9</sup>. В те же годы исключительно многочисленное послевоенное поколение и вышло на рынок труда, натолкнувшись на возникшие профессиональные и образовательные барьеры. Среди молодежи широкое распространение получило убеждение, что ее жизнь трудней, чем родителей<sup>10</sup>. Социализированные в духе принципов общественного равенства, справедливости и народовластия (“дети Народной Польши”), обладающие более высокими, чем предыдущее поколение, материальными ожиданиями, западными стандартами потребления и завышенными представлениями о своих жизненных шансах, они образовали мощную возрастную когорту – маргинальную, неприспособившуюся, наконец, нереалистически требовательную к государственной власти<sup>11</sup>. Молодые разочарованные рабочие, особенно с новых крупных промышленных предприятий, уверовавшие в официальные лозунги о том, что им принадлежит передовая роль в обществе, начали спонтанный бунт, рожденный не оппозицией, нуждающейся в трансформации системы, а прямо наоборот – инспирированный доминирующей идеологией во имя аутентичных гуманистических ценностей социализма. Эти ценности отождествлялись с моральными лозунгами, основанными на христианских идеалах, и были глубоко укоренены в польской национальной культуре<sup>12</sup>. Эгалитарные лозунги 1970-х годов выражали протест против социальной дифференциации общества, которая воспринималась как неправомерная и несправедливая. Специфический квазикласс, виновный в польском коллапсе, характеризуется как поколение исторического конфликта. Но его интересы

---

<sup>6</sup> *Adamski W.* Strukturalno-pokoleniowo aspekty konfliktu społecznego. – Sisyphus III. Crises and Conflicts: the case of Poland 1980–1981. Warsaw, 1982.

<sup>7</sup> Второе послевоенное поколение, сформированное в Центральной и Восточной Европе в период социализма, сыграло решающую роль в смене систем в регионе в целом, но в Польше – в наибольшей степени. См.: *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.

<sup>8</sup> *Domański H.* O ruchliwości społecznej w Polsce. Warszawa, 2004, s. 35.

<sup>9</sup> *Adamski W.* Dwa pokolenia pracowników przemysłu. Warszawa, 1980, s. 180.

<sup>10</sup> *Adamski W., Staszyńska K.M.* Tożsamość wartości a konflikt interesów w relacjach pokoleniowych. – Fenomen “Solidarności...”, s. 90.

<sup>11</sup> Ключевой проблемой для большинства рабочих и техников была жилищная. В 1980 г. в очереди на квартиру стояла ровно половина работников в возрасте старше 30 лет. – *Ibid.*, s. 30.

<sup>12</sup> *Зарицкий Т.* Традиционные символические ресурсы интеллигенции перед лицом вызовов глобализации. – Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам, 2008, № 8, с. 140.

находились больше в сфере “разделения благ”, чем общественной трансформации, выражавшейся в “приватизации государственных средств производства”<sup>13</sup>.

В категории квалифицированных рабочих тяжелой промышленности, особенно молодого поколения, к движению, организованному профсоюзом “Солидарность”, относилось почти 90%, среди крестьян – всего 20%. Преимущественная принадлежность к этому движению отличала специалистов с высшим и средним специальным образованием, не занимающих управленческих позиций. Члены правящей Польской объединенной рабочей партии чаще, чем беспартийные, вступали в “Солидарность”. В целом социальный состав “Солидарности” был неоднородным, родившимся из требований рабочих повысить уровень жизни, улучшить условия труда, расширить социальные права<sup>14</sup>.

Польские социологи утверждают, что после Второй мировой войны меритократическая (вознаграждение за заслуги) аргументация была одним из главных инструментов критики государственного социализма<sup>15</sup>. В основе делегитимизации существовавшей системы власти находилось представление о слабой связи заработка с квалификацией, отличающей социалистическую Восточную Европу от капиталистического Запада, где, как считалось в кругах “новой” интеллигенции, царила распределительная меритократия. Ожидание роста корреляции образования и вознаграждения явилось центральным пунктом “революции повышенных ожиданий”, как называли в Польше движение “Солидарности”. Это был не бунт отчаяния, а, напротив, революция, ставившая цель далеко идущей модификации социализма, а не его краха. То, что эта страна оказалась в авангарде перемен, связано не только с особенно большой долей здесь представителей послевоенного демографического бума, сформировавшегося в период социализма, но также с традиционными романтическим и постромантическим компонентами польской политической культуры, что предопределило еще одно выразительное определение революции “Солидарности” как “лебединой песни польского романтизма”. В основе ее находились разбуженные надежды и нереализованные интересы одной из групп общества, отличавшейся в 1980-е годы значительной изменчивостью по отношению к политике государства, предпочтением “хорошего общественного порядка”, основанного на смешанных идеалах и принципах социально ориентированного эгалитаризма и рыночной эффективности.

Исследования 1970-х – самого начала 1980-х годов свидетельствовали о доминирующей склонности польского общества к эгалитаризму, но речь не шла о равенстве только материальном. “Равенство означает для поляков не что иное, как справедливость”, а общественное неравенство рассматривалось в этот период прежде всего как незаслуженные привилегии со стороны власти<sup>16</sup>. Социологи и антропологи, изучавшие “Солидарность”, заметили тогда склонность людей отдавать абсолютный приоритет политическим вопросам над экономическими, которые не вызывали их протеста. Первоначально полякам показалось, что они обмануты политиками и находятся в атмосфере моральной фальши. Культивирование равенства, уменьшения дистанции между социальными группами воспринималось как борьба за социализм с человеческим лицом. Этические постулаты приобрели глубоко революционный, политический смысл после 1989 г., потеряв свое значение в пользу смысла материального.

На основе эмпирических исследований, проведенных в Польше в разные годы, специалистами точно установлены отдельные этапы революционных социокультур-

---

<sup>13</sup> *Staniszki J.* Bunt nietransformacyjny, czyli o kilku paradoksach artykulacji politycznej w Polsce. – *Gospodarka i społeczeństwo. Wartości i interesy załóg przemysłowych.* Warszawa, 1986.

<sup>14</sup> *Zarycki T.* Politics in the periphery: political cleavages in Poland interpreted in their historical and international context. – *Europe – Asia studies*, 2000, p. 862.

<sup>15</sup> *Jasiecki K.* Deficit merytokracji i legitymizacja władzy politycznej. – *Legitymizacja w Polsce. Nieustający kryzys w zmieniających się warunkach?* Warszawa, 2010, s. 89.

<sup>16</sup> *Ciżewska E.* Równość według ruchu społecznego Solidarność. – *Strukturalne źródła napięć społecznych: wnioski z przeszłości.* – *Kulturowe aspekty struktury społecznej. Fundamenty, konstrukcje, fasady.* Warszawa, 2010, s. 354–355.

ных сдвигов, приведших в конечном счете к смене систем. Так, усиление расхождений статусных позиций (образование, доход, руководящая должность) или статусная неконсистентность (несогласованность) обозначились в 1965–1980 гг., но особенно отчетливо – в 1976–1980 гг.<sup>17</sup> В то же самое время представление о справедливом вознаграждении в обществе не росло, а только снижалось. Причем эгалитарные установки усиливались, а вместе с ними укреплялся антагонистический социальный дискурс<sup>18</sup>. Обнаружено также, что ощущение страха и низкую самоуверенность в конце 1970-х годов предопределял высокий уровень образования и “плюрализм позиций” или их “декомпозиция”, характерные прежде всего для первого поколения интеллигенции.

Смысл “революции сознания”, моральной революции или «карнавала “Солидарности”»<sup>19</sup> в преимущественно традиционалистской социокультурной среде, которая сохранялась в Польше в самом начале 1980-х годов, сводился к “реструктурированию восприятия социальных неравенств” (М. Буховский) на фоне дестабилизации общественного сознания, прежде всего сознания горожан и “новой” интеллигенции сразу после эгалитарных по своей сути выступлений “Солидарности” в августе 1980 г. В основе их тогда находился протест против нарушения коммунистической властью принципа социальной справедливости. Но вдруг люди единодушно поверили в справедливость неравенства<sup>20</sup>. Политический протест стал выражаться уже не в эгалитарных, а, наоборот, в неэгалитарных постулатах экономического либерализма. То есть в 1981 г. экономические взгляды уже не отражали так, как в 1980 г., взгляды политические. Повышение жизненного уровня стало для людей гораздо более важной задачей, чем сведение счетов с компартией.

Точно установлено, что в период 1981–1984 гг. умами прежде всего высокообразованных слоев овладела ориентация на неэгалитарные принципы общественной жизни, на необходимость значительной дифференциации зарплаток в зависимости от уровня квалификации, возрос интерес к индивидуальной экономической деятельности. В среде “новой” интеллигенции возобладала уверенность в своих материальных преимуществах в условиях рыночной экономики. Этот феномен сыграл решающую роль в фактически свершившейся капиталистической революции в Польше ко времени начала советской перестройки, во многом предопределив ее сценарий. Если эгалитаризм, по оценкам польской исследовательницы Я. Коралевич, доминировал в стране до 1980 г., то уже 1980-е годы она называет временем господства в стране либерализма<sup>21</sup>. Политические преобразования 1989 г. лишь институционально закрепили предшествующие им общественные перемены. Причем любопытно, что по сравнению с “бунтарским” периодом рубежа 1970–1980-х годов в условиях ухудшения материальной ситуации в середине 1980-х годов претензии людей к общественной системе

<sup>17</sup> Mach B. W., Sadowski I. Strukturalne źródła napięć społecznych: wnioski z przeszłości. – Ibid., s. 129.

<sup>18</sup> Koralewicz J. System wartości a struktura społeczna. Wrocław, 1974; Zaborowski W. Postrzeganie społecznych nierówności. Z badań nad świadomością społeczności wielkomiejskiej. Warszawa, 1988.

<sup>19</sup> Kultura Solidarności. Socjologiczno-antropologiczne analizy kulturowego dziedzictwa “Solidarności”. Pszczółki, 2011.

<sup>20</sup> Скачкообразный спад поддержки принципа полной занятости произошел в Польше в 1980–1981 гг. в ситуации социально-политического хаоса, незадолго до введения военного положения в декабре 1981 г. Одновременно люди отказывались от другого краеугольного принципа своей жизни, лежащего в основе общественного строя того времени, – необходимости ограничения “потолка” заработка. С идеей рынка стали ассоциироваться надежды на лучшее, более обеспеченное будущее. – Коровицына Н.В. Первая восточноевропейская революция сознания (польская ретроспектива). – Реформы и революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011, с. 486.

<sup>21</sup> Koralewicz J. O świadomości demokratycznej w Polsce w latach 1990–2010. – Jakość naszej demokracji: społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego. Warszawa, 2012, s. 140.

резко сократились. Можно было говорить о наступившем радикальном изменении политической философии в стране.

Согласно последним оценкам, “Польский Август” стал критическим пунктом, исключая возможность поворота к прежнему строю. Социально-историческое значение движения “Солидарность” заключалось в мобилизации субъектов контркультурного движения, сумевшего организовать миллионы жителей страны вокруг символов преимущественно морального, аполитичного характера, ключевым среди которых оказалась необходимость возвращения утраченного человеческого достоинства<sup>22</sup>. Возникла разновидность нового общественного движения, объединившего “протестантов” из социальных групп, сформированных самими процессами социалистической модернизации, которых можно считать “выигравшими” от прежнего режима. “Горячие дни” августа 1980 г. явились случаем именно культурной революции, осуществленной исключительным поколением общественного протеста в стране, которая заслужила название “необычной макролаборатории проведения широкомасштабного естественного общественного эксперимента”. К 1989 г. в Польше произошло принятие обществом дифференциации доходов и заработков, приватизации госсобственности, частного сектора, ставшего для многих поляков оазисом благополучия. Последний воспринимался уже не как источник различий и несправедливости, а как панацея от всех материальных трудностей. Хотя большинство поляков в этот исторический момент не мыслило в системных категориях<sup>23</sup>. Вновь, как в 1970-е годы, на первый план вышла частная, семейная жизнь и материальное потребление, возможности которого стали более ограниченными.

Эгалитаризм, чрезвычайно сильный в Польше во время революции “Солидарности” и сыгравший ключевую роль в ее победе, последовательно снижался здесь вплоть до 1991 г.: происходил процесс насыщения общественного сознания неэгалитарными представлениями. Затем, особенно после 1995 г., по мере столкновения людей с новой реальностью, резко падения уровня жизни многих групп общества, их стремление к равенству социальных шансов вновь начало возрастать<sup>24</sup>. Регистрировался существенный рост поддержки социального равенства и явное отвращение по отношению к богатым. Понятия “частный предприниматель” и “частный работодатель” обычно оцениваются позитивно, но если к ним добавляется прилагательное “богатый”, эмоциональная нагрузка мгновенно меняется с позитивной или нейтральной на негативную. Польский народ, по утверждению его исследователей, – явный противник социального неравенства. Даже группы с высоким финансовым статусом считают нынешнее экономическое неравенство в Польше чрезмерным.

В начале XXI в. уровень неравенства в польском обществе был выше, чем в соседних центральноевропейских странах – Чехии, Словакии, Венгрии. Иерархию доходов возглавляли собственники предприятий, значительно опережавшие специалистов и управленцев<sup>25</sup>. В целом существует мнение, что в Польше после скачкообразного роста имущественного неравенства установилась одна из наиболее несправедливых общественных систем в Европе второй половины XX в.<sup>26</sup> Почти треть польского населения живет в бедности: это наиболее высокий показатель в Европейском союзе. Столько же находится в состоянии материальной депривации – ощущении социальной

---

<sup>22</sup> *Kubik J.* Who done it: workers, intellectuals or someone else. Controversy over Solidarity's origins and social composition. – *Theory and Society*, 1994, t. 23. Любопытно, нынешние события на Украине также получили название “революции достоинства”. Вспомним также, что “стержень” советской перестройки составляло возвращение к общечеловеческим ценностям.

<sup>23</sup> *Adamski W.* Konflikt ogólnospołeczny: struktura – podłoże – wyzwanie systemowe. – *Fenomen “Solidarności”...*, s. 298.

<sup>24</sup> *Адамский В., Заборовский В., Пелчинска-Налэнч К.* Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980 – 2000 гг. – *Социологические исследования*, 2002, № 6, с. 56.

<sup>25</sup> *Domanski H.* Społeczeństwa europejskie, s. 141.

<sup>26</sup> *Bukraba-Rylska I.* Co nam zostało z “Solidarności”? – *Kultura Solidarności*, s. 36.

изоляции и потерянности, лишенности. В период революции поляки верили в лидеров “Солидарности”, ожидая от них реализации призывов к свободе, самоуправлению, справедливости и человеческому достоинству. Люди из бедных регионов, рабочие теперь недоумевают: “Предполагалось, что наступит демократия, но у нас капитализм. И к чему это ведет?”, “Нет справедливости и нет работы”<sup>27</sup>. Огромная разница в доходах свидетельствует о слабости современного “общества среднего класса” в Польше, более близкого в этом отношении странам “периферийного капитализма”<sup>28</sup>. Исторический парадокс – рабочий класс, бывший основой прежней системы, веривший в свою руководящую роль и не без оснований надеявшийся выиграть от инспирированной им резкой смены строя, больше всего от нее потерял<sup>29</sup>.

Произошло снижение и даже исчезновение рабочей солидарности, как и готовности участвовать в массовых акциях. Во время системного перехода в Польше в 1989 г. и позднее большинство рабочего сообщества дистанцировалось от их собственных организаций – органов рабочего самоуправления и профсоюзов – и не использовало их для утверждения своей коллективной позиции в борьбе за смягчение рыночной системы. Депролетаризация и фактическое вытеснение рабочего класса из структуры общества на начальном этапе возникновения польского капитализма не означали его ликвидации, но сопровождалась идеологической фрагментацией, экономической, политической и культурной деградацией этого класса. Поэтому хотя рабочие быстро разочаровались в реформах, это не повлекло за собой акций коллективной оппозиции. Кроме того, начало 1990-х годов считают временем широко распространенного в обществе чувства “покинутости” политической элитой.

Неравенство доходов воспринимается польскими гражданами неизменно как “большое”, даже среди людей самых молодых. В 1994 г. так считало 83% опрошенных, в 2010 г. – 87%. Лишь 6% усматривало снижение данного показателя в этот период. Подобные взгляды сочетаются с представлениями, что ситуация в стране далека от модели равных экономических шансов. Только 26% жителей Польши (2010 г.) уверены в подобном равенстве всех поляков независимо от их материальной ситуации, а 70% убеждены в неравенстве этих шансов<sup>30</sup>. В настоящее время всеми восточноевропейцами наиболее остро осознается дефицит традиционно наиболее важных для них социальных прав и равных жизненных возможностей. Между тем выравнивание их является основой меритократической концепции. Беспокойство вызывает ухудшение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г.: распространено представление, что “бархатная” революция не привела к ожидавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия<sup>31</sup>. Вместе с тем явно сократилась субъективная важность политических и гражданских прав, получение которых в 1980-е годы сыграло столь важную роль в ходе рассматриваемой революции или сдвиге в массовом сознании прежде всего молодой восточноевропейской интеллигенции. Демократия воспринимается в основном как личная свобода и гораздо реже – как активное гражданское участие в условиях отчуждения подавляющего большинства населения посткоммунистических стран от политики и политиков, недоверия им. Способность же простых людей влиять на политические решения, по массовым оценкам, скорее, сократилась по сравнению с периодом до 1989 г.

Польские ученые обращают внимание на тесную связь удовлетворенности уровнем развития демократии и социальным положением индивида. Неудивительно поэтому, что 26-кратно с 1993 до 2010 гг. повторенный опрос продемонстрировал недовольство

<sup>27</sup> Jarosz M. Wstęp. – Polacy równi i równiejsi. Warszawa, 2010, s.10.

<sup>28</sup> Jasiński K. O nieznanym, z reguły nie badanych kręgach bogactwa. – Ibid., s. 117.

<sup>29</sup> Jarosz M. Władza. Przywileje. Korupcja. Warszawa, 2004, s. 29–30.

<sup>30</sup> Mach B.W. Jakość demokracji a struktura społeczna. – Jakość naszej demokracji, s. 32.

<sup>31</sup> Данная закономерность характерна и для других стран региона. См.: Коровицына Н.В. Словацкое общество на пути модернизации после 1989 г. – Новая и новейшая история, 2015, № 1, с. 92.

поляков функционированием демократии. По этому показателю Польша оказалась на 6 от конца месте среди 23 европейских государств. Жители страны понимают под демократическим государством прежде всего сильное, обеспечивающее равенство и безопасность граждан, особенно его беднейших слоев, государство. Экономический и охранительный аспект государственности преобладал в стране с самого начала периода трансформации, что обусловлено в польском случае, кроме ее эффектов, 200-летней историей разделенного государства. В свою очередь, свыше трех четвертей граждан страны не хотят участвовать в управлении страной, в политической жизни (феномен банализации политики), давая ей низшие среди европейских стран оценки, а предпочитают, чтобы ими хорошо управляли. После смены систем поляки, как и соседние центральноевропейские народы, ориентируются преимущественно на характерные для них узкие неформальные связи среди родственников, друзей и знакомых<sup>32</sup>.

В этом контексте особенно интересны ключевые процессы социокультурной динамики обществ восточноевропейского типа в период либеральной трансформации. На фоне значительного сокращения доли квалифицированных рабочих с 25% до 16% и крестьян – с 23% до 8%<sup>33</sup> образовательная компонента, что подтверждают польские данные, по-прежнему сохраняла ключевое значение в процессах развития обществ рассматриваемого типа. В условиях произошедшей на рубеже XX–XXI вв. экспансии высшего образования и значительного роста числа выпускников вузов происходило дальнейшее снижение значения образования как способа достижения высоких социально-профессиональных позиций – положения на рынке труда и карьерного механизма. Возросшее образовательное неравенство имело выраженную социально-классовую основу и продолжало усиливать общественную дифференциацию, препятствуя росту “открытости” социальной структуры.

Несоответствие сдвигов в социально-профессиональной структуре образовательным, впервые проявившееся во втором послевоенном поколении у “новой” восточноевропейской интеллигенции (рожденных в 1950-е годы), лишь усилилось и охватило весь образованный класс в следующей генерации (рожденных в 1970-х годах) – поколении времени рыночных реформ и демократизации. Для нынешней польской молодежи даже применимо определение “поколения неравных возможностей”<sup>34</sup>. Неудивительно, что в последние годы регистрируется феномен возрастающего негативного отношения прежде всего молодых поляков к политическим партиям как часть более общего антипартийного синдрома, обнаруженного в 2001 и 2011 гг.: для людей, социализированных в период либеральной трансформации, политический режим в сильной мере потерял значение. Этот режим, как и предшествующий, создал поколение, отличающееся не только антипартийной культурой<sup>35</sup>, но и еще более выраженной невозмож-

<sup>32</sup> Koralewicz J. O świadomości demokratycznej..., s. 154–156.

<sup>33</sup> Положение польского села, пережившего после 1989 г. процессы дезаграризации, декрестьянизации и дерурализации – не только финансовое, но также социальное и культурное, – настолько тяжело, что его называют “другой Польшей”. – *Tarkowska E. Polish poverty in a broader context. – Poland and its people in united Europe: economic and social imbalances. Warsaw, 2011, s. 62–63.* Социокультурный портрет современного польского крестьянства – класса, в недавнем прошлом “кормившего и защищавшего”, – достаточно мрачен: представители этой группы характеризуются повышенным недоверием, консерватизмом и материализмом. – *Halamska M. Farmers: underprivileged, overprivileged? – Ibid., s. 167.*

<sup>34</sup> *Domański H. Podstawowe tendencje w stratyfikacji społecznej: Polska 1982–2008. – Kulturowe aspekty struktury społecznej, s. 36–37.*

<sup>35</sup> Польский электорат особенно демобилизован: после 1989 г. в выборах здесь участвует наименьшая среди посткоммунистических стран доля граждан. Поляки отличаются наибольшим, по сравнению с другими европейцами, недоверием к политическим партиям – в 2004 г. уровень доверия составлял всего 3%. По данным 2007 г., 44% опрошенных соглашалось с тезисом, что “в Польше было бы достаточно иметь одну хорошую, эффективную политическую партию”. – *Gendźwill A. Why do Poles (still) dislike political parties? Some survey insights into anti-party attitudes in Poland, 1995–2011. – Polish Sociological Review, 2013, № 4, p. 470–471.*

ностью профессиональной реализации образовательного потенциала – важнейшими предпосылками революции “Солидарности”.

Переломные годы общественной трансформации рубежа XX–XXI вв. ясно характеризовала специфика динамики сдвигов в иерархии престижа профессий как явления общественного сознания – традиционной сфере социологических исследований в странах региона, прежде всего в Польше. Переход к капитализму и демократии должен был бы увеличить престиж представителей мира бизнеса и политиков. Однако на практике рассматриваемая иерархия в восточноевропейской среде отличалась относительной стабильностью на фоне знаковых для данного периода сдвигов в оценках отдельных социально-профессиональных категорий.

В общественных оценках проявилась деградация власти в лице министра, который с вершины иерархии престижа профессий опустился вниз, оказавшись рядом с неквалифицированным рабочим и уборщицей. Парадоксально, что во времена ПНР должность министра не опускалась ниже четвертой-пятой позиций, уступая лишь престижности профессора университета, врача и учителя, а также шахтера. После смены систем регистрировали значительное падение престижности управленческих позиций – министра, а особенно депутата парламента до низших уровней иерархии. Уже с начала 1990-х годов оценка министра снижается, и по данным 2004 г. депутат парламента и министр занимают соответственно вторую и третью от конца позиции, опережая лишь деятеля политической партии, располагающегося в списке из 36 профессий в Польше ниже всех (!). Не лучше оценивались и представители местной власти: воевода занял 25-е, а мэр города – 27-е место. Все это свидетельствует о значительной дистанции, отделяющей простых людей от власти, а значит – о состоянии демократии в стране<sup>36</sup>.

В то же время, по результатам польских исследований 2004–2008 гг., стабильно, как и в период социализма, возглавлял иерархию престижа профессор университета, за которым следовали такие общественно значимые специальности, как врач, учитель, шахтер и медсестра. В первом десятке оказались также инженер и программист. То есть наибольшим уважением, несмотря на кардинальные системные – политические и экономические – сдвиги, продолжают пользоваться интеллигентские социальные категории, ценимые за высокий уровень образования, квалификацию и потенциал знаний. Речь идет о социальных категориях, традиционно выполняющих в сознании восточноевропейцев важную общественную миссию. Это означает, что сохраняется культурная доминанта общества восточноевропейского типа даже в условиях интенсивной материализации сознания, сопровождавшей процессы экспансии рынка и западной потребительской культуры.

Согласно последним исследованиям, в Польше особенно выразительным был рост престижности профессии врача (в более прагматичной Чехии эта профессия в последние годы самая престижная), который вернулся на высокую позицию, характерную для него в 1980-е годы. Сразу вслед за ним следовала профессия медсестры. Поляки не перестали высоко оценивать шахтера – главного “героя” периода социалистической индустриализации – за его труд и небезопасную деятельность. Вместе с тем регистрировался спад престижа профессора социологии, с которым общество очевидно связывает попытку искусственного “конструирования” общественного мнения, а также профессора искусствоведения.

Итак, если говорить об изменениях в общественном сознании за годы рыночно-демократических реформ, то главными оказались сдвиги в оценках профессий, связанных с властными, руководящими позициями, однако в направлении, противоположном ожидавшемуся, как результат участвовавших коррупционных афер и распространения в обществе убеждения о низкой компетентности управленческо-политического класса.

---

<sup>36</sup> Domanski H., Rychard A. O nature legitymizacji i jej kryzysów. – Legitymizacja w Polsce, s. 13–14.

Другая социальная категория, испытывающая дефицит общественного признания поляков (и, конечно, не только их в регионе), – представители бизнеса, что также служит ясным показателем неизменности культурной доминанты “нематериального” восточноевропейского человека, сохранившего специфический традиционный, досовременный тип сознания, сочетающийся с элементами постсовременности, после двух этапов модернизации – социалистической и либеральной. По завершении рыночных реформ собственник крупного предприятия оказался в нижней половине престижной иерархии, его опередил владелец небольшого магазинчика, что свидетельствовало об упоминавшемся выше глубоко укорененном недоверии человека восточноевропейского типа к людям богатым и в целом к рыночной экономике. Негативную оценку вызывал уже сам факт существования крупной частной собственности<sup>37</sup>.

В целом, что касается носителей управленческих позиций, люди сейчас отдают приоритет “организационной власти” перед политической. Они ценят компетентность и ответственность в управлении предприятиями: по сравнению с началом рыночной трансформации директор предприятия переместился с 15 на 5 место. В то же время нынешнее отношение к политическим деятелям является результатом “несостоявшихся общественных ожиданий”, а не незрелости польской демократии, с переходом к которой поляки связывали столько надежд в эпоху революции “Солидарности”<sup>38</sup>. Хотя современные политические элиты в сильной мере происходят из этого движения и активно в нем участвовали, они довольно быстро отвергли его программное наследие.

Низкий престиж политиков не исключал высокой оценки преимуществ рыночной демократии, возросшей в течение первого десятилетия нового века с 59 до 81%. В то же время утвердительные ответы на более конкретные вопросы, касающиеся удовлетворенности демократией в Польше, оказались на значительно более низком уровне, увеличившись с 32 до 44%. В сознании польского общества различаются две стороны произошедших социальных сдвигов: поддержка состоявшихся перемен и намного более слабое одобрение их институциональной стороны. В польской среде, как утверждают ведущие польские социологи Х. Доманьский и А. Рыхард в книге о легитимизации власти в стране, господствует интуитивное или осознанное представление, что существующая система идет вразрез с национальными цивилизационно-культурными характеристиками.

Социокультурная динамика восточноевропейского типа в прошедшие 35 лет свидетельствует главным образом о постоянстве сложившихся еще к началу 1980-х годов (моменту завершения консервативной модернизации периода социализма на пространстве рассматриваемого региона) механизмов функционирования социальных барьеров и межпоколенческого наследования социальных позиций, о сохраняющемся отличительном для жителей региона представлении об определяющем влиянии образования на профессиональные позиции и уровень доходов. Тем более в условиях обозначившегося еще в 1970-е годы падения значения “финансовой отдачи” высшего образования, лишь усилившегося после смены систем. Период раннего капитализма, как и позднего социализма, таким образом, продемонстрировал дефицит принципиальных сдвигов в общественной структуре. Одновременно в культурной плоскости по завершении “строительства капитализма” на первый план спуска три с половиной десятилетия после революции “Солидарности” вновь вышла возникшая в общественном и интеллектуальном дискурсе дихотомия “солидарность – либерализм” как проявление цивилизационной специфики двух частей Европейского континента.

Что касается нынешнего отношения к общественной системе, оно отличается явной амбивалентностью: поляки отдают предпочтение капитализму в сфере экономической эффективности и социализму – в сфере социальных гарантий, занятости, справедливости, эксплуатации, выступая против полной приватизации госпредприятий. Особенно шокирующим и парадоксальным является предпочтение свободного рынка

<sup>37</sup> *Domański H.* Podstawowe tendencje..., s. 37.

<sup>38</sup> *Ibid.*, s. 39.

и радикальной приватизации поляками, идентифицирующими себя с левыми, а не сторонниками правых политических сил. Обстоятельства трансформации оказались отличными от первоначальных массовых ожиданий и деклараций инициаторов системных сдвигов<sup>39</sup>. Несоответствия между “транзитологическими” параметрами произошедших в посткоммунистических странах событий и их реальным ходом явились предметом многочисленных исследований историков и социологов региона, возможно, наиболее активных и плодотворных поныне именно в Польше, но, к сожалению, после 1989–1991 гг. малоизвестных в России.

“Большая перемена”, свершившаяся в менталитете восточноевропейцев четверть века назад, а в Польше еще на 10 лет раньше, заключалась в попытке перехода к доминированию новой (или обновленной) прагматической и материалистической рыночной системы при девальвации и инструментализации традиционных политических, общественных и этических жизненных смыслов. Предпосылки этого перехода повсеместно в странах региона создавались после завершения на рубеже 1970–1980-х годов консервативной/социалистической модернизации. Динамика ценностей и социальных структур до и после “бархатных” или моральных революций сознания в Центральной и Восточной Европе демонстрирует относительную неизменность. Духовное наследие первой и наиболее яркой из этих революций – революции “Солидарности” еще ждет своей реализации в начале XXI в. В основе этого наследия по-прежнему лежат особенно близкие полякам и их соседям по региону идеи общественного единства, социальной сплоченности на основе принципов равенства и справедливости.

---

<sup>39</sup> *Jasiecki K.* Deficit merytokracji i legitymizacja władzy politycznej, s. 93.